

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ ТУРКМЕНИСТАНА И ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Васильева Ольга Владимировна, кандидат политических наук, ректор
Региональный институт профессионального развития
Российская Федерация, 173001, г. Великий Новгород, ул. Новолучанская, 27
E-mail: vasiljeva.ole2014@yandex.ru

Политические элиты Туркменистана демонстрируют всему миру свою традиционную уникальность и невосприимчивость к мировым демократическим трендам. Закрытый характер туркменской элиты порождает потоки недостоверной информации о ее состоянии, ресурсах, планах и возможностях. «Игра в демократию» призвана создать внешний благоприятный фон существующим авторитарным традициям, а наличие в прошлом культа личности первого президента Туркменистана С. Ниязова указывало на тоталитарный характер существующего здесь политического режима. На примере генезиса туркменских элит мы видим, как менялся политический ландшафт этой страны на протяжении 1990-х, 2000-х и 2010-х гг. Попытка заглянуть за кулисы политической практики местных элитных сообществ, приводит исследователей к выводу об авторитарном настоящем и тоталитарном прошлом этой страны. Туркменистан и в 2010-е гг. продолжает оставаться одной из самых специфических политических режимов не только в Евразии, но и во всем мире.

Ключевые слова: элита, Туркменистан, трибализм, традиции, клан, консерватизм, закрытость, нейтралитет, авторитаризм

POLITICAL ELITES OF TURKMENISTAN AND THE PROBLEMS OF NATIONAL IDENTITY

Vasileva Olga V., Ph.D. (Policy), rector
Regional Institute of Professional Development
27 Novoluchanskaya St., Veliky Novgorod, 173001, Russian Federation
E-mail: vasiljeva.ole2014@yandex.ru

The political elites of Turkmenistan demonstrate their traditional uniqueness and immunity to global democratic trends. The closed nature of the Turkmen elite generates streams of unreliable information about its condition, resources, plans, and opportunities. The "game of democracy" is intended to create an external favorable background to existing authoritarian traditions and the personality cult of the first president of Turkmenistan S. Niyazov from the past pointed to the totalitarian character of the existing political regime here. On the example of the Turkmen elites genesis we see how the political landscape of this country changed during 1990, 2000 and 2010. An attempt to look behind the scenes of the political practice of local elite communities leads researchers to the conclusion about the authoritarian present and totalitarian past of this country. Even now in 2010 Turkmenistan continues to be one of the most specific political regimes, not only in Eurasia, but throughout the world.

Keywords: elite, Turkmenistan, tribalism, traditions, clan, conservatism, closeness, neutrality, authoritarianism

Одна из самых закрытых стран мира имеет одну из самых специфических политических систем и одну из самых консервативных (традиционалистских) политических элит в мире. Специфика начинается уже на уровне национальной идентичности, что, несомненно оказывает своё влияние и на идентификацию правящей политической элиты.

Культурно-исторические традиции политического ландшафта Туркменистана. В современной научной литературе утвердилась концепция, согласно которой туркмены до сих пор представляют «нацию племен», но не являются национальностью в традиционном понимании этого термина. [5] Различия между племенами и возглавляющими их кланами настолько существенны, что некоторые исследователи приходят к выводу о возможности изучения их как самостоятельных маленьких народов [9, с. 78]. Годы советской власти так и не привели к размыванию межплеменных границ. Туркменистан остался вполне феодальным обществом, с характерным набором политических институтов и традиций.

Согласно этнографическим данным, в Туркменистане исторически сложилось 30 племен, объединяющих более 5 тыс. родовых групп [7–8]. Даже и в советский период у коренных этносов региона сохранились традиционные социальные структуры. Родоплеменное деление туркмен остается важнейшим условием существования современной политической системы Туркменистана. Их роль в общественных процессах весьма велика. Поэтому не удивительно, что после распада СССР произошло весьма стремительное возрождение традиционных институтов в Центральной Азии и в первую очередь в системе государственного управления.

В практике общественных отношений в бывшей советской Средней Азии, в частности, к Туркменистану, все чаще применяется термин «трайбализм» или «трибализм» (англ. tribalism, от tribe; лат. triba – «племя») – ситуация племенной разобщенности и обособленности во многих регионах мира. Трайбализм многолик: покровительство единоплеменникам в государственном аппарате, низкий уровень этнических процессов, родоплеменная вражда, стремление иметь дела только с представителями своего племени [2, с. 78]. Трайбализм в Туркменистане – это не пережиток прошлого или этнокультурная экзотика, а самая что ни на есть политическая реальность, пронизывающая все стороны общественной жизни.

Традиционно трайбализм приводит к застою в экономике, политической нестабильности, гражданским войнам, бегству населения в более благополучные страны. Из-за того что трайбализм не выражается в законодательных ограничениях, усиливается ненормативные способы решения проблем, что приводит к криминализации в том числе и саму политическую элиту. В Туркменистане есть видимость демократии и современного государства – существует Конституция с определенным набором прав и свобод граждан, парламент, политические партии, проводятся выборы, но реально общество живёт по обычаям и представлениям феодализма.

Проблема Туркменистана заключается в том, что он так и не стал государством-нацией. Поиск идентичности местных политических элит это поиск опоры на клановые и племенные традиции. Как известно, национализм противостоит трайбализму, поскольку объединяет нацию, уничтожая сословные, клановые и племенные различия. В Туркменистане трайбализм все еще одерживает верх в цивилизационной войне с национализмом. Специалисты полагают, что там, где часто привыкли видеть национализм, на самом деле нет ничего, кроме примитивного трайбализма [2, с. 79].

Еще перед распадом СССР (1980-е гг.) в Туркменистане стала наблюдаться активизация борьбы за власть между различными группировками, основанными по родоплеменному принципу. В 1990–2000-е гг. в стране специалисты выделяли несколько кланов, которые в той или иной мере способствовали определению внутривнутриполитической ситуации и направлению внешней политики Туркменистана: (1) кизил-арватский клан; (2) марыйский клан; (3) балканский клан; (4) чарджууский клан; (5) ташаузский клан; (6) ахалский клан. Каждый из кланов по своему был представлен в высших эшелонах власти, и по-разному оказывает свое влияние на первое лицо в государстве [4]. По мнению экспертов, «в Туркменистане трайбализм свое наиболее яркое выражение получает в соперничестве кланов Ахальского оазиса, в котором расположен Ашхабад, с кланами других регионов» [16].

Генетически каждое туркменское племя представляет собой особую субпопуляцию, со своим особым набором культурных и исторических ценностей. З. Наурызбаева отмечает, что «большая часть туркмен до сих пор считает себя туркменами потому, что якобы сохраняет "чистоту" племенного происхождения. При этом каждый туркмен не без гордости называет себя таковым, а не текинцем или йомудом или другим туркменским субэтнонимом. Каждое племя-землячество говорит на общепонятном для всех туркмен языке, но имеет свой диалект; ассоциирует родину со всей территорией страны, но имеет регион основного расселения и, наряду с общей легендой о происхождении, свою легенду о происхождении и о своих героических персонах (шеджере). Старшее и среднее поколение туркмен предпочитают женить детей и внуков преимущественно на соплеменниках. Если в Европе браки среди родственников составляют 2%, то в Туркменистане из каждых 100 браков от 10 до 50 – родственные. В отдельных селах этот показатель достигает 60 %» [15].

В основе разделения туркменской политической элиты на клановые группировки лежит родовая разобщенность [20, с. 50]. Каждое племя существовало в пределах отведенных ему границ, переход на территорию другого клана считался набегом [20, с. 51]. С приходом советской власти ситуация изменилась: географические границы между племенами были стерты, люди могли свободно перемещаться по стране. Однако консерватизм, присущий туркменскому народу, не позволил образоваться национальному государству в Туркмении: каждое племя предпочитало оставаться в своих исторических границах. Это способствовало укреплению роли фактора клановости среди политических элит Туркменистана, поэтому неудивительно, что находящийся у власти глава государства опирается на силы своего клана и формирует политические элиты из представителей своей группировки. [20, с. 53]. Первый президент Туркменистана, С. Ниязов, был выходец из Ахальского клана. С момента прихода его власти (1985 г.) шла борьба Ахальского клана с другими клановыми группировками: западной, северной и восточной. Сменивший его в 2006 г. Г. Бердымухамедов принадлежал тоже к Ахальской

группировке [21]. Принадлежность к клану в Туркменистане является решающим фактором в определении объема властных полномочий, которыми наделяется представитель государственного аппарата [3, с. 95].

Чаще всего цели клана характеризуются как эгоцентристские, т.е. они подразумевают обогащение и защита своих членов, самовоспроизводство демографическое и социального статуса, а также расширение влияния на общество и государство. Причем, «под элитарным кланом нередко понимают не просто группу родственников, имеющих общее дело, не только неформальную, но еще и тайную (непрозрачную), построенную в форме паутины, с многоровневыми связями и размытыми внешними границами структуры» [1, с. 53].

Во времена СССР внутриэтническая консолидация туркмен во многом росла в неофициальной конкуренции с русскими вообще и в особенности во властных структурах: «К такой конкуренции их готовили проводимые под началом тех же русских модернизация, повышение образовательного, профессионального уровня. Русские переселенцы стали для многих туркмен частью дилеммы «мы или они», объектом формирования чувства этнической конкуренции. Сохранению мирного характера такого противостояния способствовало одинаковое отношение и туркмен, и метрополии к трайбализму. Москва запрещала туркменам поднимать этот вопрос, опасаясь волнений, туркменская евроэлита видела в трайбализме препятствие единству в дворцовой борьбе с русской номенклатурой. Чем больше была численность славянской диаспоры в Туркменистане, тем активнее шло вызревание национального самосознания туркмен» [5].

Другими особенностями политической культуры туркменских политических элит является их попытка законсервировать существующий расклад сил, сделать его подконтрольным ненормативным практикам. Подобное положение дел не обходится и без усиления коррупционной составляющей. При таких политических режимах коррупция вообще становится одной из составных частей профессиональной деятельности элит [24].

Еще в 1990-е гг. исследователи отмечали роль выдающейся личности в истории Туркменистана. По их мнению, «в Туркменистане довольно плавно прошла трансформация советского строя в авторитарную президентскую республику. Компартия республики быстро и безболезненно преобразовалась в Демократическую партию Туркменистана, которая, хотя и потеряв несколько в численности, по-прежнему составляет верную опору режиму личной власти одного человека» [18]. Но эта трансформация не остановилась на умеренном авторитаризме, а переросла в самый классический тоталитаризм.

Особенности политической культуры. Эксперты отмечают, что формирование современной туркменской элиты связано с политикой первого президента Туркменистана (1992–2006 гг.) С. Ниязова (1940–2006). «Анализируя процесс формирования (или, скорее, расформирования) иты, мы наблюдаем постепенное уменьшение количества людей, имеющих доступ к реальной власти, т.е. любых возможных претендентов на власть. Сам Туркменбаши начал постепенно избавляться от тех, кто мог бы ему препятствовать, открыто критиковать или не соглашаться с ним. Некоторые из них ушли добровольно, например Авды Кулиев, первый министр иностранных дел независимого Туркменистана. Но гораздо больше людей было просто уволено из государственного аппарата — сначала еще на почетные посты и пенсии (например, Хан Ахмедов, первый премьер-министр), позже после отставки обычно следовало тюремное заключение» [17]. Чаще всего политический режим власти С. Ниязова аналитики определяют как классический тоталитаризм со значительной примесью средневековых традиций. Поэтому и методы управления страной зачастую отдавали архаичностью и считались демодернистскими. Более того, закрытость политической элиты Туркменистана создает благоприятную почву для фальсификации и распространения недостоверной информации. Тоталитарные режимы весьма часто используют фальсификации с целью сокрытия провалов в своей политике [22].

Особенностью политической культуры Туркменистана является то, что внутри элитная борьба подразумевает регулярные кадровые чистки. И в новейшей тоталитарной (1990–2000-е гг.) политической истории Туркменистана таких чисток было не мало. «В первых чистках пострадали многие люди, связанные с советской властью, особенно представители интеллигенции. В середине 1990-х гг. были истреблены многие региональные группировки (прежде всего неахалского происхождения) и их лидеры, причем применялись все более жесткие меры (аресты, лишение имущества)» [17]. «В конце 1990-х гг. сформировались две основные группы влияния. Первую представляли «экономисты» во главе с руководством Центрального банка (Худайберды Оразов до эмиграции в 2002 г.) и руководителями ТЭК (Еллы Курбанмурадов, вице-премьер, курировавший энергетические отрасли). Эти люди постепенно были отстранены от власти. Те, кто вовремя

почувствовали опасность, успели эмигрировать (Н. Ханамов, бывший посол в Турции; Х. Оразов; Б. Шихмурадов, бывший министр иностранных дел)» [17]. Известно, что последние крупные чистки «экономистов» произошли в 2005 г. Тогда со своего поста был смещен тогдашний вице-премьер Туркменистана Еллы Курбанмурадов, а также Р. Сапаров (бессменный глава президентской администрации). Оба считались самыми влиятельными после Великого Сердара фигурами в стране и могли реально претендовать стать его преемником [17].

Проведенные чистки оказались в интересах «силовиков», которые враждовали между собой. Интриги и доносы одной группы на другую позволили Туркменбаши удерживать баланс сил между отдельными группировками и, по мере возможности, «убирать» слишком смелых деятелей. «Естественно, в каждом из институтов сложилась собственная властная группа, которая держалась на фигуре руководителя и ощущала на себе последствия его наказания. И так, в 2002 г. были ликвидированы старые советские структуры в КНБ в 2002 г. (Мухаммед Назаров), на другие позиции был переведен некогда влиятельный министр обороны Курбанмухамед Касымов. В ходе последней чистки, затрагивающей самые верхние слои элиты, в апреле 2006 г. была смещена Курбанбиби Атаджанова, генеральный прокурор страны, владеющая огромным объемом компрометирующей информации на все элиты [19, с. 7–8]. В стране, таким образом, осталась единственная влиятельная силовая структура — охрана президента Туркменбаши под руководством Акмурата Реджепова. Он бессменно оставался за горизонтом видимого политического спектра с самым тесным доступом к Сапармурату Туркменбаши» [17]. А. Реджепов сумел к 2006 г. создать мощную группу своих клиентов, которые были назначены во все силовые структуры. Его «протее» считался и тогдашний вице-премьер, а в последствие второй президент Туркменистана, Г. Бердымухамедов, который был ответственным за здравоохранение и исполнял должность личного врача Туркменбаши [17].

Поиск идентичности заводит руководство и элиты Туркменистана в «дебри традиционализма». Еще выступая 22 мая 2001 г. на встрече с членами Ассоциации туркмен мира С. Ниязов отмечал, что среди приоритетных проблем внутренней политики на первое место поставлена задача искоренения в среде туркмен трайбализма, бывшего в прошлом главной причиной утраты туркменами возможности построить национальное государство [11, с. 1]. Но не смотря на эту постановку цели и благие желания построить национальное государство, трайбализм пока одерживает верх и не позволяет политической системе модернизироваться согласно демократическим законам открытого общества. Для реализации этого проекта у Туркменистана нет никаких веских оснований.

Особенности политической власти. Сама власть в Туркменистане остается закрытой и использует демократические институты и риторику лишь в качестве прикрытия своих авторитарных традиций. По отзывам многочисленных политических исследований, большая часть политических процессов Республики Туркменистан традиционно остаются скрытыми не только для мирового сообщества, но и для самих его жителей. Феодальный принцип назначения играет куда большую роль, чем даже формальные демократические выборы. Международные эксперты убеждены, что «принцип назначения на руководящие должности представителей ведущих кланов потворствовал приспособлению архаичной системы к индустриальной эпохе» [10]. При этом, назначение первых лиц в Туркменистане по ротации, когда представитель одного племени сменял представителя другого племени, не давало того эффекта, которого ожидало мировое сообщество от этой кадровой политики.

Исследователи отмечают, что «элита позднего Ниязова сделала все необходимые шаги для того, чтобы сохранить свою власть на формальном и неформальном уровнях. Из политической борьбы были исключены все потенциальные конкуренты. Благодаря немногочисленному составу элиты в первые моменты перехода она избежала внутренних разборок, и в результате удалось относительно быстро усадить Бердымухамедова в кресло и. о. президента. Гурбангули Бердымухамедов, по-видимому, представлял собой некоего рода компромиссную фигуру, выдвинутую после договоров или интриг элиты последнего времени правления Туркменбаши. Этот выбор подтвердил, что во главе Туркменистана пока обязательно должен стоять выходец из ахальского региона. Даже самый влиятельный политик на момент смерти Туркменбаши – генерал Акмурат Реджепов – не рискнул выдвинуть свою кандидатуру, будучи сам не ахальского происхождения» [17].

О том, что демократические институты лишь ширма для авторитарной личной власти свидетельствуют и президентские выборы 2007 г. «Выборы 11 февраля 2007 г. в Туркменистане утвердили преемника Туркменбаши. Хотя впервые в истории республики появилась возмож-

ность выбирать между несколькими кандидатами, сам сценарий выборов предполагал победу Гурбангули Бердымухаммедова. Роль остальных кандидатов свелась к созданию иллюзии альтернативных выборов. Их программы практически не отличались одна от другой, точнее от программы Бердымухаммедова. По некоторым данным, предвыборная агитация инициировалась прямо администрацией президента. В собраниях принимали участие тщательно подобранные люди и коллективы, и задавались заранее подготовленные вопросы» [17].

Аналитики обратили внимание на то, что история с избранием Бердымухаммедова на некоем «совместном заседании» прямо соотносится с аналогичными событиями после смерти Сталина, когда доселе невиданное совместное заседание ЦК КПСС, Совета Министров и Президиума Верховного совета приняло решение о назначении Маленкова главой правительства [23]. Политическая система Туркмении специфична и действительно напоминает поздний Советский Союз. Обретающаяся за границей оппозиция не оказывала никакого влияния на политические процессы Туркменистана. Она надеялась на то, что к власти её приведёт за ручку какая-то внешняя сила [23].

Эксперты указывают, что политика Бердымухаммедова внесла некоторые коррективы в излишне крутой уклон внутривнутриполитического курса, но в целом сохранила прежнее его направление. Такой сдвиг можно назвать «бархатной клановой революцией», который сопровождается смещением наиболее одиозных фигур еще советской эпохи и смену их лидерами нового поколения, но далеко не новой формации [14]. Однако, руководство Туркменистана по-прежнему в своем большинстве остается патриархально-консервативным. И в основании этого консерватизма лежат именно клановые традиции и предрассудки.

В поисках идентичности туркменские элиты не выходят за рамки своей государственности. Несмотря на близость к Ирану, Туркменистан не собирается идти по пути шиитской теократии, ибо туркмены не персы, а тюрки, да к тому же сунниты. Маловероятен также и монархический сценарий по типу арабских ближневосточных абсолютий [23]. Эксперты указывают на то, что «логично предположить, что Туркмения, как и родственные ей Казахстан с Узбекистаном, пойдёт по пути создания светского авторитарного режима. Собственно говоря, это и предполагалось ранее. Ведь не зря Ниязов взял себе имя Туркменбаши, в этом он подражал Ататюрку – основателю турецкого государства. Так что новый туркменский режим будет постепенно сближаться по форме правления с тюркскими автократиями – Узбекистаном и Казахстаном» [23].

В завершение еще раз обратим наше внимание на то, что в Туркменистане фактически произошла легитимация трайбализма. Туркмены до сих пор остаются «нацией племен», уровень развития гражданского самосознания которого остается весьма низким. При этом в профессиональном мышлении самих политических элит трайбализм занимает весьма серьезные позиции и в целом не воспринимается как угроза «национальному» единству и безопасности.

Список литературы

1. Фалалеева И. Н. Регулирование межнациональных отношений при формировании региональных органов государственной власти / И. Н. Фалалеева // *Власть*. – 2011. – № 11.
2. Дадабаева З. Партийно-политическая система в Узбекистане, Таджикистане и Туркменистане / З. Дадабаева // *Россия и мусульманский мир*. – 2008. – № 12.
3. Комкова С. С. Политические элиты в государствах Центральной Азии: общие черты и коренные различия / С. С. Комкова // *Архонт*. – 2018. – № 2 (5). – С. 90–96.
4. Сидоров О. Политическая элита Туркменистана вчера и сегодня. 06.05.2005 / О. Сидоров. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1115415180>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
5. Кадыров Ш. Этнология управления в Средней Азии: вчера, сегодня, завтра / Ш. Кадыров. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://turkmeny.h1.ru/analyt/a12.html.09.11.2009>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
6. Кадыров Ш. Многоликий туркменчилик / Ш. Кадыров. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.central-eurasia.com/turkmenistan/?uid=282.30.10.2010>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
7. Проклов И. Современный политический процесс в Туркменистане / И. Проклов // *Россия и мусульманский мир*. – 2008. – № 10.
8. Грозин А. Элиты Туркменистана и центрально-азиатские кланы: общее, особенное и трудности модернизации / А. Грозин. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://expertbaza.blogspot.com/10.06.2011>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
9. Крадин Н. Н. Перспективы политической антропологии / Н. Н. Крадин // *Полис (Политические исследования)*. – 2011. – № 6.

10. Мамедалиев М. Многоплеменной Туркменистан / М. Мамедалиев. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ia-centr.ru/expert/9656/03.01.2011>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
11. Ниязов С. Будем помнить уроки истории... (Выступление на встрече с членами Ассоциации туркмен мира, 22.05.2001) / С. Ниязов // *Нейтральный Туркменистан*. – 25.08.2001.
12. Шустов А. Постсоветский трайбализм: клановые элиты стран Центральной Азии / А. Шустов. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.otechestvo.org.ua/main/.htm.30.04.2008>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
13. Хроника Туркменистана. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.chrono-tm.org.23.11.2011>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
14. Аликперов М. От Джунаид-хана до Бердымухаммедбаши (На вопросы «Хроники Туркменистана» отвечает эксперт по вопросам социологии, политологии и истории Центральной Азии, сотрудник Института международных исследований Карлова университета в Праге Славомир Горак) / М. Аликперов. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.chrono-tm.org/ot-dzhunaid-hana-doberdyimuhammedbashi/10.08.2011>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
15. Наурызбаева З. Трайбализм, национальная идеология и будущее нации / З. Наурызбаева. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zonakz.net/articles/03.09.2011>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
16. Кадыров Ш. Туркменистан: Институт президентства в клановом постколониальном обществе / Ш. Кадыров. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://turkmeny.h1.ru/analyt/a4.html.12.10.2011>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
17. Горак С. Туркменистан после Туркменбаши. к вопросу о трансформации режимов личной власти / С. Горак // *Политэкс*. – 2008. – № 1. – С. 63–79.
18. Куртов А. Туркменистан: авторитаризм ради обещанного процветания / А. Куртов // *Обозреватель*. – 1996. – № 3.
19. Horak S. Rumbles in the Turkmen Elite, Central Asia and the Caucasus. 2006. Vol. 8. No. 9. 3 May. С. 7–8.
20. Грозин В. А. Элиты Туркменистана и центральноазиатские кланы: общее, особенное и трудности модернизации / В. А. Грозин // *Азия и Африка сегодня*. – 2010. – № 9.
21. Медведев А. Туркменистан. Расклады и персоны / А. Медведев // *The expert Communication Channel of Central Asian Region*. – Режим доступа: <http://kz.expert/archives/2175>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. – (Дата обращения: 23.02.2018).
22. Карабущенко П. Л. Элита власти в вертепе политической фальсификации / П. Л. Карабущенко // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2013. – № 2 (35). – С. 264–274.
23. Святенков П. Наследники Сапармурата. 26.12.2006 / П. Святенков. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.apn.ru/index.php?newsid=11222>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
24. Карабущенко П. Л. Политическая коррупция и научный плагиат (борьба элит с фальсификацией) / П. Л. Карабущенко, И. В. Лебедева // *Каспийский регион: политика, экономика культура*. – 2013. – № 1 (34). – С. 278–286.
25. Новая Туркмения уходит за кулисы мировой политики. 26.12.2006. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iz.ru/news/390500>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

References

1. Falaleeva, I. N. Regulation of interethnic relations in the formation of regional governmental bodies / I. N. Falaleeva // *Power*. - 2011. - № 11.
2. Dadabayeva Z. The party-political system in Uzbekistan, Tajikistan and Turkmenistan / Z. Dadabayeva // *Russia and the Muslim World*. - 2008. - № 12.
3. Komkova S. S. Political elites in the states of Central Asia: common features and fundamental differences / S. S. Komkova // *Archont*. - 2018. - № 2 (5). - p. 90–96.
4. O. Sidorov. Political elite of Turkmenistan yesterday and today. 06.05.2005. Available at: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1115415180>.
5. Kadyrov S. Ethnology of governance in Central Asia: yesterday, today, tomorrow. Available at: <http://turkmeny.h1.ru/analyt/a12.html.09.11.2009>.
6. Kadyrov S. The many-sided Turkmenchilik. Available at: <http://www.central-urasia.com/turkmenistan/?uid=282.30.10.2010>.
7. Proklov I. Modern political process in Turkmenistan / I. Proklov // *Russia and the Muslim world*. - 2008. - № 10.
8. Grozin A. The elites of Turkmenistan and the Central Asian clans: common, special and the difficulties of modernization. Available at: <http://expertbaza.blogspot.com/10.06.2011>.
9. Kradin N. N. Prospects of political anthropology / N. N. Kradin // *Polis (Political Studies)*. - 2011. - № 6.
10. Mamedaliyev M. Multi-tribal Turkmenistan. Available at: <http://www.ia-centr.ru/expert/9656/01.01.2011>.
11. S. Niyazov. Let us remember the lessons of history ... (Speech at a meeting with members of the World Turkmen Association, 05.22.2001) / S. Niyazov // *Neutral Turkmenistan*. - 08.25.2001.

12. Shustov A. Post-Soviet Tribalism: Clan Elites of the Central Asian Countries. Available at: <http://www.otechestvo.org.ua/main/.htm>. 30.04.2008.
13. Chronicle of Turkmenistan. Available at: <http://www.chrono-tm.org>. 11/23/2011.
14. Alikperov M. From Junaid-Khan to Berdymukhammedbashi (An expert on sociology, political science and history of Central Asia, an employee of the International Studies Institute at Charles University in Prague, Slawomir Gorak) / M. Alikperov answers questions from the Chronicle of Turkmenistan. Available at: <http://www.chrono-tm.org/ot-dzhunaid-hana-do-berdyimukhammedbashi/10/08/2011>.
15. Nauryzbayeva Z. Tribalism, national ideology and the future of the nation. Available at: <http://www.zonakz.net/articles/03.09.2011>.
16. Kadyrov, Sh. Turkmenistan: Presidency Institute in a clan postcolonial society. Available at: <http://turkmeny.h1.ru/analyt/a4.html>. 12.10.2011.
17. Gorak S. Turkmenistan after Turkmenbashi. on the question of the transformation of personal power regimes / S. Gorak // Politex. - 2008. - № 1. - p. 63–79.
18. Kurtov A. Turkmenistan: authoritarianism for the sake of promised prosperity / A. Kurtov // Observer. - 1996. - № 3.
19. Horak S. Rumbles in the Turkmen Elite, Central Asia and the Caucasus. 2006. Vol. 8. No. 9. 3 May. Pp. 7–8.
20. Grozin V. A. Elites of Turkmenistan and Central Asian clans: common, special, and difficulties of modernization / V. A. Grozin // Asia and Africa today. - 2010. - № 9.
21. Medvedev A. Turkmenistan. Hands and persons / A. Medvedev // The expert Communication Channel of the Central Asian Region. Available at: <http://kz.expert/archives/2175> (Accessed: 02/23/2018).
22. Karabushchenko P. L. Elite of power in the den of political falsification / P. L. Karabushchenko // The Caspian region: politics, economy, culture. 2013. - № 2 (35). - p. 264-274.
23. Svyatenkov P. Heirs of Saparmurat. December 26, 2006. Available at: <https://www.apn.ru/index.php?newsid=11222>.
24. Karabushchenko P. L. Political corruption and scientific plagiarism (elite's struggle against falsification) / P. L. Karabushchenko, I. V. Lebedeva // Caspian region: politics, economy, culture. - 2013. -Number 1 (34). - p. 278–286.
25. New Turkmenistan goes behind the scenes of world politics. December 26, 2006. Available at: <https://iz.ru/news/390500>.